

— Сегодня вывешивают списки сдавших весенний экзамен, — заговорила Цзян Мэню, заметив, как скучает её младший брат. Она предложила это из лучших побуждений: — Князь Цзинь снял отдельный кабинет в Башне Чжуанъюаня. Не хочешь поехать со мной, развеяться, посмотреть на праздничную суету?

Но, поймав себя на мысли, что на этих экзаменах непременно должен был отличиться покойный Ци Фэнцзю, она испугалась, что разбередит едва затянувшуюся рану в душе брата, и поспешно добавила:

— Впрочем... если не хочется никуда идти, то и не нужно.

— Уже день объявления результатов? Как быстро летит время... — Цзян Мэнчжэнь на миг замер, его пальцы, протиравшие изящный стеклянный фонарь, остановились. — Интересно, кто же стал новым чжуанъюанем?

— Представь себе, это твой знакомый, — улыбнулась Мэню. — Муж господина У, Ань Чжюань!

— Надо же! — Цзян Мэнчжэнь не скрывал удивления. Ань Чжюань никогда не числился среди первых умников столицы и не хвастал талантами. То, что он взлетел на самую вершину, означало лишь одно: юноша умышленно таил свой блеск до поры до времени. Мэнчжэню стало любопытно, да и за близкого друга он искренне радовался. Он согласно кивнул: — Это и впрямь великое событие, на такое стоит взглянуть. Не тревожься обо мне, сестрица. У каждого своя судьба. Я и сам хочу поскорее отпустить прошлое... Но если бы человеческое сердце могло крутиться, точно флюгер на ветру, грош бы ему была цена. Слишком уж это было бы бездушно.

Цзян Мэнчжэнь бережно убрал фонарь. Вещь уцелела, а того, кто её подарил, — Ци Фэнцзю — уже давно не было в живых. Как тут было не загрустить при мысли о бренности земного бытия?

— Я знаю твой характер, — тихо вздохнула Цзян Мэню. — Ты слишком предан тем, кого любишь. Но мертвых не вернуть, Мэнчжэнь. Тебе нужно жить дальше, искать хоть какую-то радость и не изводить себя напрасными терзаниями.

Мэнчжэнь кротко согласился.

Вскоре карета доставила брата и сестру к Башне Чжуанъюаня. Кабинет, снятый князем Цзинем, располагался на верхнем этаже и выходил окнами на главную улицу — обзор отсюда открывался великолепный. Едва они заняли свои места, как внизу послышался праздничный гул: по улице верхом на украшенных конях шествовали трое лучших выпускников дворцового экзамена.

Впереди на статном скакуне ехал Ань Чжиюань. Глядя на этого сияющего от гордости, одетого в расшитый шелк юношу, сложно было поверить, что когда-то этот законный сын графа не имел даже приличного платья на выход. За ним следовал баньянь — старик с белоснежной бородой, который то и дело утирал слезы умиления, не веря своему счастью на закате дней. Замыкал троицу таньхуа Линь Сяофэн — изящный, утонченный молодой человек с аккуратными чертами лица и яркими губами, истинный канонический красавец.

Толпа зевак ликовала, взрываясь рукоплесканиями. Собравшиеся вдоль дороги девицы и гэеры бросали охапки живых цветов под копыта лошадей чжуаньюаня и таньхуа. У дверей Башни Чжуаньюаня, сияя от восторга, стоял У Сисчунь. Отныне никто в столице не посмеет нашептывать за его спиной, будто он сгоряча женился на безродном бедняке лишь ради спасения своей чести. Теперь все кумушки будут исходить завистью, обсуждая его невероятную удачу.

Поравнявшись с входом, Ань Чжиюань придержал поводья. Он снял прикрепленный к чиновничьему убору алый цветок и легким движением бросил его в сторону У Сисчуна. Толпа одобрительно заулюкала, захлопала в ладоши. Сисчунь ловко поймал цветок и, подняв глаза на супруга, нежно ему улыбнулся.

Из окна верхнего этажа Цзян Мэнчжэнь видел всё во всех подробностях. В тот самый миг, когда Сисчунь ловил цветок, стоявшая чуть позади него барышня Ли Цинло тоже непроизвольно протянула руку. Взгляд Ань Чжиюаня был устремлен именно в эту точку толпы, но вот на кого из двоих он смотрел с таким выражением — оставалось загадкой.

Окрыленный счастьем У Сисчунь поспешил войти внутрь Башни Чжуаньюаня. Оглянувшись, он заметил у окна второго этажа Цзян Мэнчжэня и весело помахал ему алым цветком. Мэнчжэнь мягко улыбнулся и кивнул другу в ответ. Следом за Сисчуном робко семенила Ли Цинло, боясь поднять глаза на окружающих.

«Верно, я просто напридумывал лишнего, — успокоил себя Мэнчжэнь. — Ли Цинло, должно быть, потянулась к цветку лишь из страха, что тот упадет в придорожную пыль, а вовсе не пыталась отнять его у Сисчуна»

Праздничное шествие сделало У Сисчуна главным предметом столичных сплетен: все наперебой твердили, какими нежными чувствами связаны молодой чжуаньюань и его супруг. Мэнчжэнь искренне радовался за друга, однако глубоко в душе у него шевельнулась тихая, щемящая грусть.

Лето в тот год выдалось на редкость удушливым и жарким. С первыми же знойными днями супруги Цзян Бичэн покинули душный город и увезли Цзян Мэнчжэня вместе с маленьким Юй-гэером, сыном Цзян Мэню, в загородное поместье. В то же время маркиз отправил слуг заняться ремонтом и обновлением старой столичной усадьбы Цзян, которая много лет пустовала. Хотя князь Цзинь и проявил великодушие, предложив сыграть свадьбу Мэнчжэня

прямо из своего княжеского дворца, гордость старинного рода маркизов Цзянлин не позволяла принять такую милость. Семья Цзян сама была достаточно знатна и не нуждалась в том, чтобы заискивать перед зятем; выдать молодого гэера замуж из дома зятя, а не из родного отчего гнезда, посчитали бы верхом неприличия.

Когда У Сисчунь приехал навестить друга, Мэнчжэнь сидел на веранде и возился с маленьким Юй-гэером, угощая того фруктами. Он бережно очищал сочные личи и своими тонкими пальцами отправлял полупрозрачную сладкую мякоть в рот племяннику. В какой-то момент малыш не рассчитал и звонко клацнул зубками, прикусив палец Мэнчжэня. Круглое личико мальчика тут же смешно сморщилось от смущения, и он принялся старательно дуть на укушенный пальчик, заглаживая вину перед любимым дядей.

— Как писали древние: «В руках колыхнется прозрачный белый веер, и пальцы тонкие сродни резной яшме», — с улыбкой процитировал подошедший У Сисчунь, плавно раскрывая свой веер. — Не вини дитя, Мэнчжэнь. Я шёл следом и сам засмотрелся: тут и впрямь немудрено перепутать твои пальцы с нежной мякотью спелых личи.

— Вечно ты умеешь приукрасить, — рассмеялся Мэнчжэнь. — Это мой племянник Юй-гэер. Я души в нём не чаю, разве поднимется у меня рука журить его за такую малость?

— Так это Маленький князь! — воскликнул Сисчунь. — Ну, теперь понятно, отчего говорят, что племянники всегда удаются в дядьев. Красавец растёт!

— Когда сестра носила его под сердцем, ей донесли весть о том, что я упал в ледяной омут, — вздохнул Мэнчжэнь, ласково погладив мальчика по голове. — Она так испугалась и разгневалась, что вознамерилась немедленно ехать в поместье Ци. Но не успела даже ступить за порог, как от волнения у неё начались преждевременные роды — малыш появился на свет на полмесяца раньше срока. Потому-то я и чувствую перед ним особую нежность.

Мэнчжэнь нежно поцеловал румяную щечку Юй-гэера и велел слугам увести его в покои к бабушке с дедушкой. Когда ребенка увели, он пододвинул к Сисчуню стоявшее на столе нефритовое блюдо в форме лotosового листа.

— Ты приехал как раз вовремя. Сегодня утром из поместья князя Цзиня прислали свежие личи. Доставили всего одну небольшую корзину, её держали на леднике. Попробуй, они чудесно освежают в такую жару.

У Сисчунь взял круглый плод, но чистить не стал. Задумчиво глядя вслед уходящему малышу, он негромко обронил:

— Я тоже очень хочу ребенка... Но сколько ни ждем, утроба моя по-прежнему пуста.

— Вы ведь женаты уже три года, по всем законам пора бы... — мягко заметил Мэнчжэнь. — Ты обращался к лекарям?

— Как можно... — Сисчунь вспыхнул до корней волос и смущенно отвел взгляд. — О подобных вещах стыдно толковать с чужими людьми.

— И надо же быть таким упрямым! Прячешь недуг, лишь бы к докторам не ходить, — покачал головой Мэнчжэнь. — Какой толк изводить себя пустой тревогой, если не знаешь истинной причины? Как раз после тяжелых родов сестры князь Цзинь пригласил для неё одного из лучших дворцовых лекарей. Этот почтенный старец — непревзойденный мастер своего дела, и, что немаловажно, он сам из нашего сословия гэеров. Я попрошу сестру отправить его к вам в усадьбу, пускай осмотрит тебя без лишней огласки.

— Да я вроде и не тороплюсь... Просто Чжюань теперь стал чжуаньюанем, — вздохнул Сисчунь. — Он больше не тот забитый, всеми забытый законный сын графа, которому не во что было одеться. Теперь его статус изменился, и мне на душе как-то беспокойно...

Он внезапно умолк и робко, с опаской покосился на Мэнчжэня:

— Мэнчжэнь... мои разговоры о весенних экзаменах не ранят ли твое сердце?

— Всё предопределено свыше, людские чаяния тут бессильны, — грустно улыбнулся Мэнчжэнь, стараясь перевести тему. — Тебе суждено было стать супругом блистательного чжуаньюаня, ну а нам с кузеном... видно, просто не хватило судьбы. Рассказывай дальше, не думай о моем горе. Неужели Ань Чжюань переменялся к тебе после своего триумфа?

— Да нет, до этого не дошло, — признался Сисчунь. — Чжюань получил назначение в Министерство наказаний, и теперь ему по долгу службы то и дело приходится бывать на пирах сослуживцев. На днях он вернулся за полночь, и от него разлило чужими благовониями да дешевой пудрой. Я, конечно, устроил ему жуткую сцену! Он божился и клялся, будто во время застолья к нему случайно прижалась лютнистка, которую привел один из чиновников. Выслушав его оправдания, я понемногу остыл, но для виду продолжал дуться, чтобы впредь неповадно было. Так что бы ты думал? На следующий день этот несносный муж притащил того самого сослуживца прямо к нам домой, чтобы тот лично подтвердил его слова! Думаю, ты тоже слышал об этом человеке... Это единственный наследник герцога Ин, молодой гун.

— Молодой гун из поместья герцога Ин?.. — переспросил Мэнчжэнь. — Тот самый Ин Ян, которого за глаза величают Нефритовым Ямой?

— Он самый! — всплеснул руками Сисчунь. — По правде говоря, в детстве мы частенько сталкивались, но он вечно надо мной измывался и дразнил. Стоило мне узнать, что этот паршивец идет к нам в гости, я тут же прятался в своей комнате. С его взрослением мы долго не виделись, но, видит небо, с годами его несносный нрав стал только хуже!

Сисчунь в сердцах обмахнулся веером.

— Только теперь я понял, почему его прозвали Ямой. Оказывается, служа в Министерстве

наказаний, он самолично ведет допросы. А ведь дела там разбираются не чета обычным уездным тяжбам! Под следствие чаще всего попадают знатные вельможи и чиновники, но этому безумцу всё нипочем: он без тени сомнения пускает в ход дыбу и плети, его жестокость наводит ужас на всю столицу. Но в свободное от пыток время он превращается в разгульного повесу, не вылезает из борделей и чайных домов, прославив самым отъявленным ветреником среди золотой молодежи! Его характер полностью под стать имени — дерзкий, высокомерный и легкомысленный. И представь мою ярость, когда в день визита к нам этот наглец держал в руках вот это...

С этими словами Сисчунь сунул веер в руки Цзян Мэнчжэню. Тот присмотрелся к изящно выведенным строкам на шелковом полотне и удивленно вскинул брови:

— Постой... но ведь это же твои стихи!

— Вот именно! Он сделал это намеренно, лишь бы уколоть меня побольше! — Сисчунь раздосадованно ткнул пальцем в каллиграфические иероглифы. — К счастью, уходя, он выронил веер на дорожке у дома, а моя служанка Жуньмо его подобрала. Я теперь ночей не сплю, всё боюсь, как бы этот негодяй не сбил моего Чжияня с праведного пути!

— А почерк у этого молодого гуна и впрямь превосходный, — улыбнулся Мэнчжэнь, возвращая веер другу. Он не удержался от мягкой подначки: — Мне вот стало любопытно: если прозвище «Яма» он заслужил своей жестокостью, то действительно ли он так хорош собой, что его прозвали «Нефритовым ликом»?

— Хм! В детстве он был неуклюжим толстяком, а каков теперь... понятия не имею, — фыркнул Сисчунь. — Моё сердце принадлежит лишь мужу, и до чужих мужчин мне нет никакого дела!

Он сердито раскрыл и захлопнул веер несколько раз, а затем, решившись, с треском разорвал тонкий шелк пополам.

— Всё равно вещь сомнительного происхождения, туда ей и дорога.

— А я-то думал, ты решишь оставить его на память, — рассмеялся Мэнчжэнь. — Впрочем, ты прав: чужим подношениям не место в покоях женатого гэера. Избавился — и ладно.

Сисчунь небрежно отбросил обрывки веера в сторону и заговорщически понизил голос:

— Кстати, чуть не забыл рассказать самую свежую новость! Нашего новоиспеченного таньхуа, Линь Сяофэна, сосватали прямо у ворот экзаменационного двора, едва вывесили списки сдавших. Поговаривают, его берет зятем-примаком в поместье Ци!

Мэнчжэнь изумленно замер. Впрочем, поразмыслив, он вспомнил, что молодая барышня Ци Цюэцяо как раз вошла в брачный возраст. Станным казалось лишь одно: почему госпожа Ци

остановила выбор на безродном юноше, пусть даже и занявшем третье место на экзаменах, вместо того чтобы выдать единственную дочь за отпрыска какого-нибудь знатного и влиятельного столичного семейства?

В дружеской беседе время пролетело незаметно. Супруги Цзян Бичэн наотрез отказались отпускать гостя и настояли, чтобы У Сисчунь остался на ночь в их загородной усадьбе. После сытного ужина Мэнчжэнь увлек друга к горячим источникам, бившим прямо на территории поместья. Погрузившись в ласкающую, теплую воду, Сисчунь блаженно зажмурился и тихо выдохнул:

— Ах, Мэнчжэнь... Не будь я связан узами брака, остался бы здесь с тобой на целую вечность!

— У тебя под боком супруг невиданного ума и таланта, а ты всё гредишь о вольной жизни, — беззлобно поддел его друг.

— Когда женишься, твое сердце больше тебе не принадлежит, — задумчиво протянул Сисчунь, глядя на мерцающий пар над водой. — Каждое движение твоей души неразрывно сплетается с его судьбой. Делишь с ним и горе, и радость... Порой я и сам не знаю, благословение это или проклятие. Иногда так хочется вернуть прежние годы, когда можно было плакать и смеяться лишь по собственной воле, ни о ком не заботясь.

Оба умолкли, созерцая, как над сонной ночной равниной кружат светляки под бледным куполом звездного неба. Великое таинство брака, именуемое «делом всей жизни», таило в себе немалую опасность: один неверный шаг — и вместо тихого счастья тебя ждет позор и забвение. Для мужчин женитьба была делом простым и понятным, призванным лишь продолжить их род. Даже если семейная жизнь не ладилась, перед ними по-прежнему оставался весь необъятный мир; они вольны были искать утех на стороне, брать наложниц или с легкостью давать развод нелюбимым женам. Но для незащитных гэеров и девиц замужество означало полную, безраздельную покорность судьбе. Они вверяли супругу всё, что у них было: имя, чувства, саму жизнь. С этого мгновения муж становился их единственным небом. И если этот единственный покровитель оказывался ничтожеством, их маленькая вселенная рушилась безвозвратно, увлекая несчастных в бездну отчаяния.

<http://bllate.org/book/19598/2002416>